

Эймундас Некрошюс — несколько штрихов к портрету режиссера

Балтийский сезон в Париже начался несколько необычно: Литовский молодежный театр показал в театре Рено-Барро («Рон-Пуэн») «Дядю Ваню» Чехова и пьесу московского драматурга Вадима Коростылева о грузинском художнике Пиромани.

Эти два спектакля составили когда-то легенду Некрошюса, окружив его имя таинственным ореолом, который в России обычно приписывается таланту. «Дядя Ваня» в театре им. Маяковского осенью 1989 года смотрелся на едином дыхании и остался в памяти неким загадочным ритуальным действием: остался какой-то особый, кошачий изгиб спины и чувственная пластика Елены Андреевны — Далии Зикувинене; осталась красота мизансцен и странный профессор Серебряков, больше похожий на персонаж экспрессионистского кошмара, чем на русского барина-интеллигента. И еще — залихватская пляска подвыпивших слуг, несомненных будущих хозяев жизни.

«Дядя Ваня», показанный в Париже, ничего почти не утратил за прошедшие годы, о чем читатель «РМ» уже мог судить по статье А. Властова (хочется только не согласиться с автором, когда он упоминает о «крайне резкой и временами оскорбительной критике спектакля», имевшей место в советской традиции. Во всяком случае, в московской театральной среде, в том числе среди критиков, Некрошюс и его «нетрадиционная трактовка» Чехова воспринимались как событие в театральной жизни 80-х годов).

О спектакле «Пиромани, Пиромани...» писать сегодня почти невозможно. Да и не стоит, наверное, писать рецензию на спектакль почти десятилетней давности.

Но и сейчас сквозь зависающие, пустые паузы еще просматривается в «Пиромани» бывшее очарование режиссерского рисунка, неординарность замысла. Незамысловатую, в общем-то, и абсолютно реалистическую пьесу Коростылева Некрошюс превратил в сюиту о жизни художника, сочиненную в стилистике С. Беккета. Вселенная, полная странных, тревожащих звуков (вроде соло на бутылке), продолжает жить какой-то своей, независимой от сюжета пьесы жизнью, выстраивая в сущности подлинный сюжет «Пиромани»: о страданиях как форме существования гения, где бы он ни жил. И как везде, во все времена страдание и одиночество художника преодолевалось творчеством, становилось красотой и любовью, воплотившихся для Пиромани в образе Маргариты.

Эймундасу Некрошюсу 40 лет, он родился в литовской деревне Пожибирай, закончил в 1978 году московский театральный институт (ГИТИС). Первый спектакль, «Вкус меда», поставил в Вильнюсском молодежном театре в 1976 году, еще студентом, туда же вернулся в 1979 году режиссером. Сегодня Некрошюс возглавляет этот театр. Впрочем, глагол этот совершенно не соответствует самому Некрошюсу, человеку, в общем-то, очень застенчивому.

В театре Рено-Барро меня заранее предупредили, что режиссер Вильнюсского театра интервью давать не любит. Однако, услышав, что я от «Русской мысли», он согласился на интервью. Некрошюс — человек по-северному замкнутый, так что разговорить его в самом деле оказалось нелегко.

— Эймундас, почему вы, первый театр Балтийского сезона, привезли только русские пьесы?

— А что здесь плохого? Я об этом даже и не подумал.

— В репертуаре вашего театра «Игроки» Гоголя, его же «Нос», Айтматов, чеховская «Чайка», ваша собственная пьеса «Квадрат», вы работаете над «Кармен» Мери́ме. Складывается впечатление, что вы совсем не ставите литовских авторов. В вас что — совсем нет национального подъема, связанного с «освобождением от русских»?

— (Улыбается) Есть, конечно, но он для меня не связан с искусством. Вообще, мне кажется, что художник тем дальше от политики, тем для него лучше.

— И вам еще удастся так жить сегодня?

— Нет, конечно. Хочешь не хочешь, а политика тебя в свой водоворот вовлекает. Раньше мне казалось, что я смогу всегда жать как-то отдаленно от нее, а сейчас оказывается — нельзя без политики. И от этого мне кажется, что все искусство как бы застыло.

— Павел Лунгин, постановщик «Луна-парка», в интервью «РМ» сказал, что, по его мнению, в России сейчас вообще нет культуры.

— И у нас, по-моему, то же самое. Абсолютное безвременье.

— Для вас лично что-то изменилось после провозглашения независимости?

— Нет, ничего не изменилось...

— То есть вы продолжаете жить в своем мире, никак не связанном с реальностью?

— Для меня любая политика — плохая. Даже если политика хорошая, мне все равно будет плохо. Превенная власть была — плохо, и сейчас — тоже плохо.

— Ходят ли еще на ваши спектакли в Вильнюсе?

— Зрители, конечно, еще есть, но их гораздо меньше, чем раньше.

— Когда вы выступали в Москве несколько лет тому назад, на ваш театр невозможно было достать билеты.

— Тогда и у нас так было, а сейчас люди боятся поздно выходить на улицу, поздно возвращаться домой. Да и в Москве сейчас, насколько я знаю, все так же обстоит.

— Вы верите, что в Литве что-то еще изменится к лучшему для нашего поколения?

— Нет, для нас все кончено, мы — обреченное поколение, и в Вильнюсе, и в Москве.

— Кажется, что в «Дяде Ване» вы — приверженец системы Станиславского. А ваш «Пиромани» — наоборот, принадлежит к традиции театра абсурда.

— Я не следую в своей работе никакому методу. Просто каждый спектакль работает по-новому. Мне кажется, каждый режиссер ставит по-своему, вот и все. Можно научиться играть прекрасно и ставить прекрасно за две недели без всякого метода или не научиться никогда.

— Дала ли вам что-нибудь школа ГИТИСа?

— Нет, как школа ГИТИСа мне ничего не дала, кроме права на постановку. — Раньше ведь без диплома ставить нельзя было. Когда я поступал в ГИТИС, наш курс набирал Гончаров, и я попал к нему, случайно.

— Да, учеником Андрея Александровича Гончарова вас не назовешь.

— И так было с самого начала: никакой ни духовной, ни человеческой связи между нами не было.

— У вас остались какие-то связи с русским театром, с ГИТИСом?

— С ГИТИСом — нет, а в Москву я в этом году, в октябре, приглашен на чеховский фестиваль, но, к сожалению, спектакль выпустить не успеваю.

— Почему именно «Кармен»? Вопреки всеобщей политизации?

— Можно, я об этом говорить не буду? Вообще не спрашивайте меня о будущих постановках — я все равно не знаю заранее. Просто они приходят ко мне в одно прекрасное утро...

— Вы в Париже в первый раз?

— Да, очень красивый город.

— Вы хотели бы здесь жить, у вас есть предложения работы?

— Нет, слишком большой город для меня, как Москва. Можно забегаться. Постановки мне предлагают, но я пока отказываюсь: иностранных языков (кроме русского) я никаких не знаю. Да и вообще человек я некоммуникабельный.

— Вы свой театр относите к какой культуре — литовской? Или это театр Эймундаса Некрошюса, и всё?

— Это вам решать.

— Вы заметили, что в зале много русских? На спектакли Некрошюса идут как на часть русской культуры. Как вы к этому относитесь?

— Это мне очень приятно.

— Вы не хотите что-нибудь сказать для читателей «Русской мысли»?

— Я, когда студентом был, мы ее подпольно читали. Каждый номер «Русской мысли» был для нас, ну, как глоток хорошего вина. Пусть остается всегда такой же.

ЕКАТЕРИНА БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж